

Цзян И помрачнел. Бросив взгляд на Цзун Цзиня, он перевёл глаза на Хэлянь Хэна.

Однако мужчина даже не поднял головы и лишь небрежно бросил:

— Он причинит боль.

— Взрослый мужчина — и боится какой-то птицы? — презрительно фыркнул Цзун Цзинь. — Да этот птенчик что мне может сделать? Ну покажите мне его...

Хэлянь Хэн дочитал свиток и вернул его Цзян И. Тот привычно вытащил из-за пояса огниво, поджёг бумагу и швырнул её, когда от свитка остался лишь крошечный уголок. Они оба вели себя так, будто вовсе не слышали слов Цзун Цзиня, и никто ему не ответил. Цзян И и вовсе натянул поводья, собираясь повернуть обратно в голову колонны.

— Не спеши уходить, дай взглянуть, — Цзун Цзинь протянул руку, пытаясь ухватить Цзян И за рукав. — Не будь таким жадиной.

Но Цзян И находился далеко, а Хэлянь Хэн — близко, поэтому вытянутая рука Цзун Цзиня вполне естественно опустилась на бедро Хэлянь Хэна. Он судорожно вцепился в одежду мужчины и повторил:

— Позволь взглянуть!

Хэлянь Хэн искоса глянул на него и, пожалуй, с некоторой долей беспомощности произмолвил:

— Цзян И.

— ...Он действительно опасен, — нахмурившись и всем видом показывая крайнее нежелание, Цзян И протянул руку Цзун Цзиню. — Будь осторожнее.

Видя, что тот подчинился воле Хэлянь Хэна, несмотря на сильнейшее нежелание, Цзун Цзинь испытал смешанные чувства — смесь зависти и странного трепета. Вспомнив лицо Ло Чэньхуаня, он почувствовал, как на душе скребут кошки. Впрочем, даже если ему и становилось грустно, то лишь на мгновение. Цзун Цзинь тут же протянул руку к перьям Серого сокола, заискивающе приговаривая:

— Иди сюда, иди, ну же...

Однако Серый сокол остался абсолютно равнодушен. Более того, он отступил на два шага назад, к самому плечу Цзян И, устроившись как раз в том месте, куда Цзун Цзинь не мог дотянуться.

— Можешь убрать руку, — недовольно бросил Цзян И.

— А?

Интерес Цзун Цзиня к хищной птице достиг предела. Он послушно убрал руку, ухватился за оконный проем, зафиксировал занавеску и втянул голову обратно. Следом за этим Цзян И, свернув язык, издал странный птичий свист... Впрочем, на птичий крик это было мало похоже, скорее напоминая стрекотание цикад в осеннем поле. Серый сокол тут же встрепнулся и единым прыжком взлетел на оконный проем, за который только что цеплялся Цзун Цзинь, намертво впившись когтями в дерево.

Птица живо крутанула головой, и в ее круглых золотистых глазах отразилось лицо Цзун Цзиня.

— Я пойду вперёд, господин, — словно опасаясь, что его любимого сокола сейчас замучают до смерти, произнес стоявшего рядом Цзян И.

Хэлянь Хэн слегка кивнул, и Цзян И, пришпорив коня, стремительно вернулся к голове отряда.

Цзун Цзинь, чьи мысли были полностью поглощены этим удивительным существом, нетерпеливо протянул руку и резко схватил птицу за лапу. В одно мгновение Серый сокол был затащен внутрь повозки, занавеска тут же упала, скрывая всё происходящее от посторонних глаз.

Хэлянь Хэн стоял неподалеку, и его взгляд был прикован к повозке.

Глухие удары и возня сопровождалась резкими окриками и руганью Цзун Цзиня, время от времени заглушаемыми звуками ударов крыльев хищной птицы о тесные стены повозки. Спустя несколько мгновений Серый сокол вылетел из переднего проема повозки, словно выпущенная из лука стрела, оставив после себя целое облако растерянных перьев.

Цзун Цзинь снова отдернул занавеску. Его рука была перемазана кровью, а пара растрёпанных прядей волос падала на лицо. Свинцово-мрачным взглядом он уставился на Хэлянь Хэна:

— ...Есть ещё мазь от ран? Дай сюда.

—

Час спустя армия Хэлянь остановилась на привал у границы Юйцюаня и Циньгуаня.

Заметив, что повозка остановилась, Цзун Цзинь тут же высунул правую руку, обмотанную марлей, и откинул занавеску. Решив, что наступило время привала и собираясь размять затекшие кости, он вознамерился выйти наружу. Однако не успел он даже ступить на

подножку, как слева донесся сильный гул.

К подобным вещам он обладал исключительной чуткостью — стоило звуку достичь его ушей, как в голове сработала тревожная сирена: внезапное нападение.

Сгорбившись в проеме повозки, он инстинктивно повернул голову влево. События доказали, что даже в этом слабом и хрупком теле накопленный на полях сражений опыт не подвел его: вскоре из лесной чащи слева донесся топот копыт. Судя по звуку, отряд был немаленьким — пожалуй, не меньше двухсот человек.

— Эй, Хэлянь, ты что, совсем не заметил, как кто-то приближается? — бросил Цзун Цзинь, поворачиваясь к Хэлянь Хэну.

Но с правой стороны от повозки уже стоял другой человек — какой-то рядовой боец, чьего лица Цзун Цзинь не запомнил. Тот непоколебимо застыл на месте, даже не взглянув в левую сторону.

В недоумении переведя взгляд вперед, Цзун Цзинь обнаружил, что ненавистный Хэлянь Хэн уже находится в самом начале колонны.

Топот копыт приближался стремительно. Если бы в этот момент кто-то не заметил засады, оставалось лишь предположить, что весь элитный отряд Хэлянь Хэна состоит сплошь из глухих. Вскоре всадники, вынырнувшие из лесу с левой стороны, явили себя миру. Первыми в глаза Цзун Цзиню бросились четырехугольные знамена.

...Неудивительно, что Хэлянь Хэн осмелился явиться в чужие земли всего с дюжиной людей. Оказывается, он полагался на то, что Серый сокол Цзян И сможет безошибочно передать весть, заранее приказав гарнизону из Юйцюаня выдвинуться навстречу, что избавило основные силы от необходимости совершать утомительный марш-бросок.

Он прекрасно знал полководческий талант Хэлянь Хэна и на собственной шкуре испытал его боевое мастерство, но лишь оказавшись бок о бок с армией Хэлянь, он понял, что в своих расчетах ничуть не ошибался. Хэлянь действительно был грозным противником, и одна лишь эта способность передавать сообщения с помощью хищных птиц ставила его далеко впереди всех прочих кланов.

И неужели у Цзян И был всего один этот Серый сокол, или...

Погруженный в раздумья, Цзун Цзинь бессознательно уставился на спину Хэлянь Хэна.

Прибывший отряд остановился в трех саженях от двенадцати воинов. Командир отряда немедленно спешился, подошел пешком к коню Хэлянь Хэна и, опустившись на одно колено, отдал честь. Мужчина сидел в седле, излучая одновременно изящество и присущую правителю

властность, и, глядя на подчиненного сверху вниз, произнес что-то.

Вот только Цзун Цзинь находился слишком далеко и не расслышал ни слова.

...Если бы только Хэлянь Хэн не был его врагом, в нем и впрямь было бы что-то величественное.

Мысль эта возникла столь внезапно, что его разум тут же послушно подкинул воспоминания о первой ночи в поместье Хэлянь: как мужчина сидел у окна в одиночестве, попивая вино при луне.

Цзун Цзинь мотнул головой, прогоняя наваждение, и на цыпочках вылез из повозки.

Все остальные чинно и неподвижно сидели верхом на конях, и лишь хрупкая фигурка наложницы, пробирающаяся между ними, мгновенно привлекла множество взглядов. Тем не менее, никто не смел высказать недовольство или преградить ему путь — бурные ночные страсти в повозке в первую ночь пути уже успели разойтись по отряду слухами о великой «милости» господина.

Новая пассия хозяина — разумеется, ему дозволено делать всё, что заблагорассудится.

В мгновение ока Цзун Цзинь очутился позади Хэлянь Хэна. Он очень хотел услышать, о чем тот говорит, но новый командир, прежде не встречавший его, при виде неожиданно вынырнувшей фигуры тотчас умолк, а его взгляд, острый как кинжал, вонзился в нагнчаца.

Бэйтан Ле тихо прикрикнул:

— ...Вернись в повозку.

— Пустяки, — Хэлянь Хэн смотрел прямо перед собой, даже не взглянув на Цзун Цзиня. — Продолжай.

Новый военачальник больше ни о чем не спрашивал и прямо перед Цзун Цзинем доложил:

— Три тысячи человек уже сосредоточены на границе Яньчжоу и Шанчжоу и в любой момент готовы выступить по приказу господина.

Хэлянь Хэн на мгновение задумался:

— Действуйте согласно прежнему плану, а остальные силы пусть встанут лагерем у Санхэкоу.

— Слушаюсь.

Санхэкоу находился на стыке земель Шанчжоу, Яньчжоу и Юйцюаня — излюбленное место для стоянки войск всех трех сторон. Но каков был первоначальный план, Цзун Цзинь даже в страшном сне не смог бы угадать. Да он и сам не ожидал, что Хэлянь Хэн ради поездки на похороны «его» собственной персоны поднимет столько войск.

Сима и Хуанфу непременно явятся, и в этот раз на похоронах вполне может разыгаться нешуточная схватка.

Честно говоря, окажись он на месте Хэлянь Хэна, он бы ни за что не полез в эту мутную воду. Куда разумнее было бы воспользоваться тем, что оба клана заняты дележом земель Юйчи, и сперва снести эту занозу на собственном заднем дворе — Цзунбань. Мысленно рассуждал Цзун Цзинь.

Замыслы Хэлянь Хэна разгадать было непросто.

Пока он предавался размышлениям, военачальник получил приказ, почтительно поклонился, вскочил в седло и во главе своего отряда скрылся обратно в лесной чаще.

Топот копыт затихал вдали, когда голос Хэлянь Хэна прервал мысли Цзун Цзиня:

— Пора вернуться в повозку.

— А? — ошарашенно поднял голову Цзун Цзинь. — Это ты мне?

— Да.

— Не пойду, мои кости от этой тряски в повозке уже готовы ссыпаться в кучу, — заявил наложница, кривя шею и сладко потягиваясь, после чего развел руки в стороны и принялся разминать затекшие суставы. — Слезай, я хочу ехать верхом.

Бэйтан Ле и Цзян И, уже имевшие дело с Цзун Цзином, давно привыкли к подобной его «естественности». Остальные же воины вокруг были настолько потрясены услышанным, что дружно уставились на него, затаив дыхание и ожидая реакции своего господина.

На мгновение сцена словно застыла, пока Хэлянь Хэн бесстрастно не ответил:

— Лишних коней нет.

Цзун Цзинь уже перешел от разминки шеи к ногам и теперь, делая выпады, растягивал

сухожилия:

— Знаю. Поэтому ты полезешь в повозку, а я поеду верхом.

— Малыш Цзун Цзинь, — приподняв брови, предупредил Бэйтан Ле. — Лучше бы тебе вернуться в повозку. Как только мы вступим на земли клана Юйчи, осторожность не помешает ни в чем...

Цзун Цзинь искоса глянул на Бэйтан Ле и дерзко заявил:

— А я сказал, что хочу ехать верхом, значит, буду ехать верхом.

Бэйтан Ле попытался было убедить его еще раз — на землях клана Юйчи сидеть в повозке куда опаснее, чем в седле, там нужно держать ухо востро, мало ли взбредет в голову Юйчи Чуню устроить на них внезапное нападение.

К тому же он никак не мог взять в толк, зачем господин вообще велел захватить в дорогу эту повозку. Раньше за ним не водилось подобных прихотей, он всегда передвигался верхом наравне с остальными.

Выглядело так, будто повозку приготовили заранее, словно предвидя, что Цзун Цзинь не выдержит долгой езды верхом.

Он только открыл рот, как мужчина пресек его слова взмахом руки:

— Сейчас нет свободных коней для тебя.

— Ну так слезай, я поеду.

Мужчина молчал, слегка нахмурившись:

— Твоя правая рука ранена.

— Мне хватит и одной.

Цзун Цзинь не собирался уступать, а Хэлянь Хэн и не думал слезать с лошади. Один сидел высоко, другой стоял внизу, но их боевой настрой был столь силен, что никто из них не желал сдавать позиции, и они замерли друг напротив друга в самом начале колонны.

Внезапно наложница, словно потеряв терпение, решительно ухватила поводья прямо из рук Хэлянь Хэна.

Никто опомниться не успел, как наложница, собрав внутреннюю энергию для легкости тела, попыталась встать на стремя. Но в стремени уже стояла нога Хэлянь Хэна, и Цзун Цзинь, словно не замечая этого, наступил прямо на его сапог и напролом полез вверх, усаживаясь перед Хэлянь Хэном.

Он снова дернул за поводья, пытаясь вырвать их из рук мужчины.

Однако тот лишь с виду держал их небрежно, а на деле вцепился мертвой хваткой. Попытка отобрать поводья не увенчалась успехом, зато конь испуганно запрягал на месте, почувствовав боль от неумелого рывка.

Цзун Цзинь обернулся и недовольно бросил:

— Слезай давай, я уже залез.

Хэлянь Хэн лишь забавно смотрел на него.

— Ты слезешь или нет? Если нет, то я... — Ноа не успел договорить, как Хэлянь Хэн коротко бросил: — Ногою! — и слегка пришпорил коня.

Конь резко сорвался с места и побежал мелкой рысью, и по инерции Цзун Цзинь всем телом откинулся назад.

Аккуратно прислонившись прямо к груди Хэлянь Хэна. От мужчины исходил едва уловимый аромат сандала, внезапно окутавший Цзун Цзиня с ног до головы.

<http://bllate.org/book/22011/2288242>